

определяется просто, как просто все истинно гениальное. На философском уровне гениальность этой простоты сформулировал С. Л. Франк в статье «Достоевский и кризис гуманизма»: «Достоинство человека, его право на благополучие, его право на уважение основаны не на каком-либо моральном или интеллектуальном совершенстве, не на том, что он «разумен», «добр» или обладает «прекрасной душой», а просто на глубине онтологической значительности всякой человеческой личности. Человек богоподобен тем, что загадочные корни его существа, наподобие самого Бога, обладают сверхрациональной творческой силой, бесконечностью» [12]. Философ уверен, что именно Ф. М. Достоевскому впервые удался настоящий подлинный гуманизм, поскольку он есть христианский гуманизм, видящий во всяком, даже падшем человеке, человека как образ Бога. А все другие формы гуманизма сначала приукрашивают человека, прежде, чем сделать предметом поклонения. Такой гуманизм терпит крах при встрече с реальностью. С. Л. Франк предупреждает, что жестокая современность порождает презрение к человеку и что-то изменить может только гуманизм, гуманизм, существующий в форме, которую обрел в творчестве Ф. М. Достоевского.

Почти все крупнейшие русские философы считали своим долгом писать о Ф. М. Достоевском. Именно философам более чем профессиональным литературным критикам, обязаны мы лучшими книгами о величайшем художественном гении. Мало того, Ф. М. Достоевский был, по существу, впервые по достоинству понят и оценен именно

философами – создателями русского религиозно-философского Ренессанса, т.е. тем поколением, которое было пронизано влиянием Ф. М. Достоевского и в котором после позитивистской духовной летаргии проснулась жажда духовного творчества.

Хочется надеяться, что и в наше непростое время постмодернистская духовная летаргия породит жажду духовного творчества и гуманизм станет основным принципом отношений между людьми.

Литература

1. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 301.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1980. Т. 5. С. 78.
3. Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 21, С. 169.
4. Шестов Л. И. Достоевский и Ницше. Философия трагедии // Избранные сочинения. М., 1993. С. 177.
5. Там же. С. 181.
6. Франк С. Л. Достоевский и кризис гуманизма // Из истории русской философской мысли. М., 1965. С. 15.
7. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 188.
8. Там же. С. 155.
9. Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 4. С. 274.
10. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 154.
11. Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 24. С. 84.
12. Франк С. Л. Достоевский и кризис гуманизма ... С. 29.

E. A. NAYDENKO. SPIRITUAL EXPERIENCE OF RUSSIAN PHILOSOPHERS IN THE CONTEXT OF FYODOR DOSTOYEVSKY'S CREATIVE WORK

Analyzing contemporary processes of dehumanization postmodern society, the author compares them with the experience of Russian philosophical thought in the late XIX – early XX century through the prism of Fyodor Dostoyevsky's creative work.

Key words: *ethics of humanity, Fyodor Dostoyevsky's creative work, Russian philosophy of the late XIX – early XX century.*

В. Б. ХРАМОВ

ПЕРВОЕ «ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО» П. Я. ЧААДАЕВА КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

В статье исследуется проблема социокультурных последствий публикации важнейшего документа русской культуры XIX века: возникновение партийной борьбы, создание идеологии славянофилов и западников.

Ключевые слова: *П. Я. Чаадаев, «философические письма», документ, западники и славянофилы.*

Первое «философическое письмо» П. Я. Чаадаева (1794–1856) является одним из самых главных документов той культурной эпохи, которая наступила в России в «сороковые – роковые» годы XIX столетия и которую связывают с образованием двух партий – славянофилов и западников. Именно

«письмо» стало вызовом для славянофилов, позволило славянофильской партии идейно определиться, организовать – соответствующим ответом стала и организация русских западников. Первое «философическое письмо» было опубликовано в 1836 году, вызвало общественное возмущение и

реакцию правительства, которую многие и по сей день считают несправедливой и чрезмерной: цензора уволили, редактора сослали, а Чаадаева признали сумасшедшим (правда, ненадолго, на несколько месяцев, до времени, пока скандал утихнет), но запретили ему впредь печатать свои труды.

Содержание письма известно. Автор, с философских высот обозревая историю своей Родины, говорит горькую правду о ней: ничего в культуру общечеловеческую мы не внесли, ничего существенного не сказали, и нет у нас ни прошлого, ни будущего, а настоящее мутно и причина всему этому основная в том, что православие в свое время приняли, от западного мира откололись сами, от прогресса, осуществляемого там, и в этом смысле Россия суть ничто, и в крови у нас... – тут оборву Чаадаева, ибо дальше уже совсем расизм [1].

Как может показаться некоторым, именно содержание письма явилось единственной причиной общественного возмущения, жесткой реакции правительства, трагического партийного разделения русской культуры, приведшей ее к тому болезненному состоянию партийной раздвоенности, которое не изжито в полной мере и по сей день. Но взгляды пристальнее в ход событий. После отставки, последовавшей в 1821 году, прервав столь блестящую карьеру (его прочили в адъютанты Александра I), Чаадаев самым серьезным образом занялся разработкой своей оригинальной философской концепции. Именно ради нее он службу оставил. Постепенно, к концу двадцатых годов его учение сложилось в общих чертах, и он, уединившись, сформулировал его в форме восьми философических писем [2], которые нам сегодня известны. Книга была закончена в 1831 году, но мыслитель продолжил работу, развивая концепцию.

С содержанием чаадаевской концепции образованные люди того времени (их не так много было) познакомились задолго до опубликования письма. Автор не скрывал своих мыслей. Он читал текст в обществе, обсуждал, полемизировал, даже – с известными оговорками – популяризировал свои идеи в течение десятилетия. Но, ни политической, ни серьезной общественной реакции (возмущения, например) не было – восхищались, обсуждали, возражали, чаще соглашались и не более того. Строгое николаевское правительство не вмешивалось, хотя, что документально подтверждено, знало о содержании писем, о тех разговорах-проповедях, которые вел философ в узком кругу своих друзей и почитателей. Об этом, в частности, свидетельствует следующий факт. Когда в 1833 году Чаадаев, желая вернуться на службу, стал искать место, ему предложили должность по ведомству министерства финансов. Он отказался, надеясь на службу по линии министерства просвещения. Но, зная (конечно, в общих чертах) о каком «просвещении» идет речь, царь Николай I предложил ему должность по ведомству юстиции. Чаадаев опять отказался (смелый

поступок человека знающего себе цену!) и стал искать другие способы участия в деле просвещения России. Таким образом, у нас есть основание предполагать, что не столько содержание самого документа, которое было известно многим, а факт его публикации вызвал упомянутые выше социокультурные последствия.

Высший слой русской культуры тех лет был организован по типу французских салонов века Просвещения (правда, еще в Москве «Английский клуб» был – для игры в карты и бесед на разные, в том числе и философские темы). Именно здесь свободно обсуждались самые смелые общественные вопросы. Хозяйка салона была его душой, организатором «умных бесед». Подчиняясь общественным требованиям данного культурного слоя, П. Я. Чаадаев посвятил свой труд «даме», чем крайне заинтересовал публику, и в традициях времени письма свои «философические» на французском языке записал, т.е. для избранных, для узкого круга, для понимающих философию и знающих французский язык на уровне, позволяющем разобраться в сложнейших мировоззренческих вопросах. Так поступали в Европе со времен Возрождения, еще Леонардо свои проекты смелые даже от учеников скрывал, шифруя, но избранным все-таки открывал их содержание. То же Томас Мор, канцлер английский. Он свою «Утопию» на латыни записал, избранным, т.е., адресуя, – как предмет для размышления, а не призыв к деятельности революционной. Ведь избранные – культурные и образованные – «все поймут», для них можно и преувеличить и заострить – они разберутся, ибо читали уже много подобного, да и сами к мыслям критическим приходили, особенно, нужно признать, в России, где «всякий свою страну клянет», патриотом себя считая.

Хотя конечно, и среди образованных разные люди встречаются. Не каждый, подобно девушке влюбленной, слушал проповеди философские П.Я. Чаадаева с восхищением. Некоторые не принимали и отвечали в духе классических традиций. В Петербурге обнаружился «свой Аристофан» – сочинитель Загоскин, комедию «Недовольные» в 1835 году создавший, в которой Чаадаева высмеял, узнаваемо было. Пьесу поставили, но признали неудачной, неумной. Чаадаев еще раз убедился в правоте своей критики актуальной культуры России и своеобразно откликнулся: «Глуповатое, благодусное, блаженное самодовольство, вот наиболее выдающаяся черта эпохи у нас...». Денис Давыдов – поэт и партизан легендарный, тоже сатирую на Чаадаева отозвался в «Современной песне», но ироническое отношение свое он выразил, не к учению, а, скорее, к обстановке, в которой Чаадаев проповедовал: «Старых барынь духовник, / Маленький аббатик, / Что в гостиных бить привык / В маленький набатик...». Имя Чаадаева Давыдов не называет, ясно, что писал для узкого круга, для своих; они догадаются, узнают и оценят. В связи с

постановкой пьесы и публикацией стихов никакой серьезной общественной реакции не произошло, никто не возмутился. Но вот перевел свои «философические письма» Чаадаева на русский язык, напечатал в альманахе «Телескоп» «первое», и содержание документа стало общедоступным (относительно, конечно), что и взорвало культуру. «Письмо» стало «прокламацией», утратив сразу глубину философской мысли, которая, правда, в нем лишь приоткрывалась. Так началась трагедия гонимого, «непонятого мыслителя» Чаадаева и трагедия раздвоенной русской культуры.

Но проблема имеет еще один - и весьма существенный аспект. Первое «философическое письмо» является лишь введением к серьезному философскому труду, содержание которого раскрывается в последующих письмах, а дальше П.Я. Чаадаев обсуждает вопросы не столько актуальные, сколько теоретические - онтологические, теологические, гносеологические, этические, ну и, конечно, собственно историософские. И в этом смысле первое письмо играет роль вопроса, ответ на который (глубокий и теоретически обоснованный) дается в последующих «письмах», точнее даже - в последующих работах Чаадаева, где его философия оригинальная, как мы сегодня это понимаем, развернута, и ответ этот позитивен, оптимистичен для культуры России.

Правда, в первом «письме», как правильно некоторые скажут, уже сформулирован и ответ на вопрос «почему мы вне истории человеческой?». Но ответ этот, по логике драматургической, в «письмах» осуществленной, то же «в орбиту вопроса входит», как-то первое, что в голову отчаявшуюся, ответа ищущую прийти может. Этот прием - первичного отчаяния, а затем философического «осмысленного утешения», применялся в европейской культуре неоднократно. Поэтому просвещенная публика на первичный ответ-критику не слишком и реагировала, зная, что это автор «завлекает», понимая, что, если ответ найден и озвучен, то зачем еще семь писем других писать. Публика ожидала другого - углубленного позитивного ответа, но... не дождалась в том виде, в котором мы его сегодня получили, ибо по причине публикации «письма» события стали развиваться по совсем иному сценарию: Чаадаев стал «запрещенным мыслителем», а его работы в полном объеме были напечатаны лишь в 1987 году, т.е. через 150 лет после публикации первого «философического письма». Ответ этот, если коротко формулировать, будет таковым.

Основное свойство русской культуры – вневременность. В «первом философическом письме» применительно к реальному бытию России это понятие связывается Чаадаевым с суммой негативных характеристик, что позволяет говорить о русских как о народе неисторическом. Но вневременность является свойством Бога, следовательно, положительное содержание. Значит, и неучастие России в истории может иметь провиденциальный смысл. В определенный кризисный для Европы момент Россия способна включиться в исторический прогресс, выполнив провиденциальную миссию по установлению «Царства Божьего на земле». Но этого может и не случиться, если она будет искать путь развития вне прогресса, осуществляемого народами Западной Европы [3].

Таким образом, обсуждая социальную значимость творчества Чаадаева, нельзя недооценивать сам факт публикации первого «философического письма». Публикация вызвала общественный протест, который спровоцировал жесткую реакцию правительства. Пока Чаадаев проповедовал в салонах - все было спокойно, мысль слушателей была направлена на понимание, на творчество. Когда же текст опубликовали, он приобрел самостоятельную значимость, оторвался от автора, стал предметом различных интерпретаций, дополнительно простимулировал творчество, мысль и «отвагу» писателей, ибо стали писать «за спиной Чаадаева», по поводу и против, что и проще и безопаснее. Партии возникли. Партийная борьба велась вроде бы за правду, вроде все бы за Россию, а на самом деле чаще против друг друга, лишь жизнь оживляя полемикой, публику развлекавая. Увлекло и отвлекло, но на поверхности осталось пеною, революционным действием. Правда, в глубине все же серьезное содержание созревало, которое, хочется сказать, «создавалось не благодаря провокационной публикации «письма», а вопреки», но это преувеличением недопустимым будет, поэтому скажу - «и благодаря и вопреки».

Литература

1. Подробнее см.: Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989. С. 15–34.
2. Там же. С. 15–138.
3. Подробнее см.: Храмов В. Б. Философия истории и культуры П. Я. Чаадаева и старших славянофилов. Краснодар, 2002. С. 17–39.

V. B. KHRAMOV. THE FIRST «PHILOSOPHICAL LETTER» P. Y. CHAADAEV AS A DOCUMENT OF THE ERA

The article reveals the problem of social and cultural consequences of publication, an important instrument of Russian culture of the XIX century: the emergence of party struggle, creation of Slavophiles' and Westerners' ideology.

Key words: P. Chaadaev, «Philosophical Letters», document, Westerners and Slavophiles.